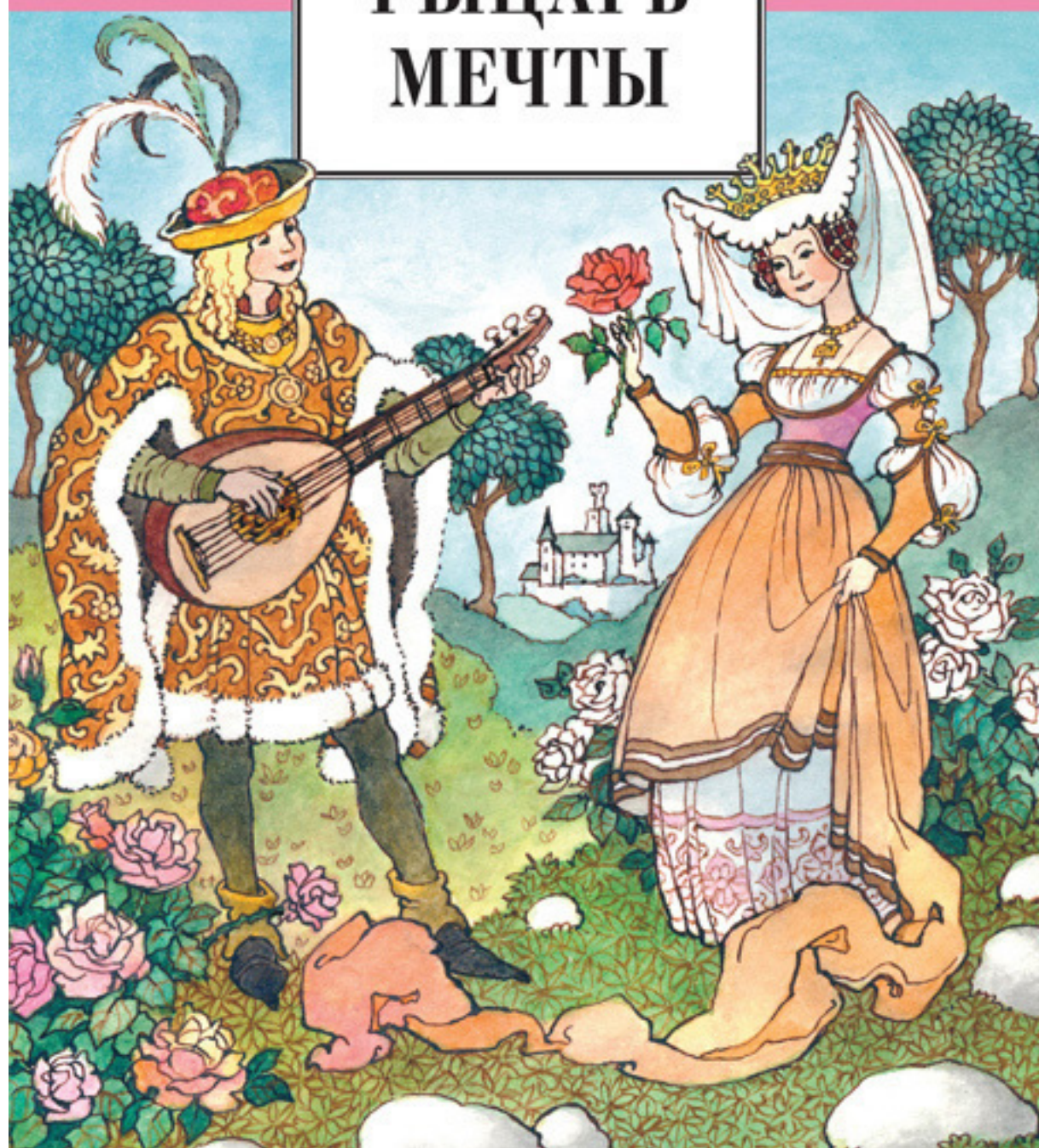

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РЫЦАРЬ МЕЧТЫ

Школьная библиотека (Детская литература)

Сборник

**Рыцарь мечты. Легенды
средневековой Европы
в пересказе для детей**

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сборник

Рыцарь мечты. Легенды средневековой Европы в пересказе
для детей / Сборник — Издательство «Детская литература»,
2014 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005142-5

В этой книге собраны легенды стран средневековой Европы, повествующие о подвигах, совершенных во имя любви. Эти легенды рассказывают как о вымышленных героях, так и о реальных исторических лицах, объясняют происхождение праздников и географических названий. По их сюжетам написаны поэмы, пьесы и оперы. Некоторые изложения легенд публикуются впервые. В них вставлены фрагменты произведений средневековых поэтов. Легенды пересказаны известной писательницей и переводчицей Софьей Леонидовной Прокофьевой, сумевшей сохранить стиль и колорит средневековых оригиналов. Книга снабжена комментариями. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005142-5

© Сборник, 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

От редакции	6
Рыцарь мечты	8
Винета – затонувший город[3]	8
Флор и Бланшефлор	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пересказ С. Прокофьевой Рыцарь мечты. Легенды средневековой Европы в пересказе для детей

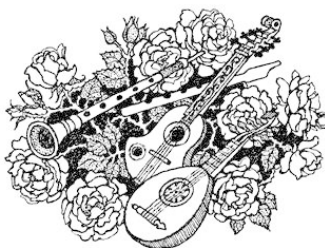
© Прокофьева С. Л., пересказ, 2014

© Ионайтис О. Р., иллюстрации, 2014

© Составление, вступительная статья, комментарии, оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

От редакции

Книга, которую вы открыли, – сборник легенд о влюбленных. Легенды эти родом из Средних веков. И первое, что возникает в воображении при словах «Средние века», – это величественные соборы европейских городов, неприступные замки, благородные рыцари и прекрасные дамы. Но современные представления, основанные на легендах и преданиях, далеки от реальности. Для нас герои тех далеких эпох подобны персонажам «Сказок», любимой книги пионерки Оли, героини книги В. Губарева «Королевство кривых зеркал». Там «короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно-сладки, будто вымазаны медом». Это происходит оттого, что в легендах создаются картины идеального мира, к которому реальным людям, жившим тогда, следовало стремиться. На самом же деле в те далекие и жестокие времена, когда на картах еще не было современных государств, а отношения и быт регламентировались строгими правилами сословий, люди и воспринимали такие понятия, как *жизнь, смерть, любовь*, по-иному, чем мы сейчас.

Для средневекового человека существовало два вида любви: низкая (любовь в повседневной жизни, любовь супругов) и высокая, куртуазная, любовь к идеальной прекрасной даме. Куртуазную любовь можно назвать «любовью-служением», так как рыцарь служил женщине, которую выбрал своей дамой, так же как служил своему господину и Богу. Возникновение такой любви было подлинным переворотом в сознании средневекового человека. Суть служения для него была в преклонении сильнейшего перед слабейшим. И вдруг этим сильнейшим становится женщина, которая до этого считалась недостойным существом, причиной грехопадения. Сосуд греха превращается в Даму (или Донну), то есть Госпожу. До этого ни в одной мировой культуре женщин так не возвеличивали.

По сути, куртуазная любовь представляла собой не проявление чувств, а некий ритуал, действие, в котором оба участника разыгрывают предписанные роли. Трувер¹ Андрей Капеллан в помощь влюбленным рыцарям и дамам написал своеобразное руководство – «Трактат о любви». Согласно этому трактату, рыцарь, чтобы заслужить благосклонность своей избранницы, должен пройти четыре стадии любви-служения: рыцарь «вздыхающий», «замеченный», «признанный» и «возлюбленный». А дама, чтобы стать объектом такой любви, должна быть воплощением душевной и телесной красоты. Причем она необязательно должна быть незамужней. А если дама была замужем, то мужу категорически запрещалось проявлять свою ревность.

Воспевали куртуазную любовь поэты-трубадуры². Поэзия трубадуров опиралась на различные источники: фольклор, народные песни (обрядовые, «майские», свадебные); восточную лирику (особенно арабо-мусульманской Испании, достигшей высочайшего расцвета в

¹ Т р у в е р – средневековый французский поэт-певец конца XI – начала XIV в., слагавший как лирические, так и эпические произведения.

² Т р у б а д у р – средневековые южнофранцузские (провансальские) странствующие певцы.

XI–XII вв.); античную любовную лирику (прежде всего произведения Овидия – признанного наставника в искусстве любви).

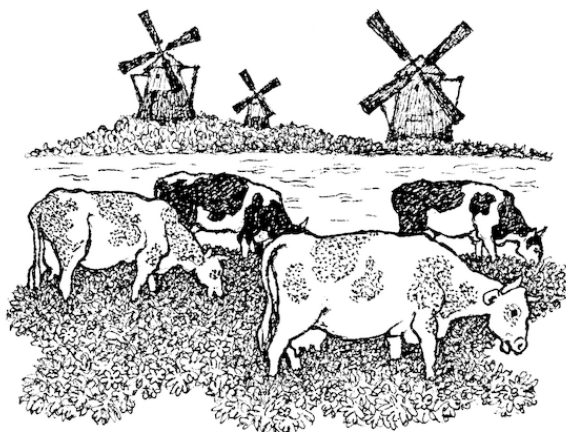
Куртуазное учение выступало в роли своеобразной рыцарской идеологии, необходимой западноевропейскому обществу, пребывавшему в состоянии непрерывной войны, преподносимой как война за веру, то есть за духовные ценности. Однако рыцари разных стран хотя и принимали правила куртуазной любви, но понимали ее смысл различно. На юге Франции, в Провансе, считали, что совершенная дама должна быть недоступной, а служение ей уже само по себе награда. Такие отношения южане называли «истинной», или «совершенной», любовью. Если же эти отношения имеют телесное завершение, то тогда они – «пошлая, низменная» любовь. Но северяне, германцы, именно эту «низкую» любовь смешивали с собственно куртуазной любовью. В литературоведении для обозначения двух этих моделей поведения утвердились термины «высокая куртуазия» и «низкая куртуазия». В литературе высокая куртуазия получила выражение в рыцарской лирике, а низкая – в рыцарском романе.

Различие этого понимания куртуазной любви вы можете увидеть в собранных в данной книге легендах. Север представлен в ней легендами из Германии, а юг – легендами из Франции и Италии.

Легенды, вошедшие в сборник, не подлинные произведения средневековых авторов, а пересказы. Тем не менее пересказчику этих историй, Софье Прокофьевой, удалось сохранить их стиль и своеобразие, передать характеры героев и колорит эпохи.

Рыцарь мечты

Винета – затонувший город³

Случилось это в стародавние времена, теперь уже никто толком не помнит, когда это было.

Однажды ясным весенним утром молодой пастух Питер выгнал стадо на зеленую лугувину возле реки. Было тихо. Крылья ветряных мельниц темнели вдали неподвижными крестами. Мимо берега лениво и медленно проплыл старый деревянный башмак, а то никто и не заметил бы, что вода движется.

Еще дальше, позади гряды крутых обветренных скал, шумело море. Казалось, великан вздыхает во сне.

Пастух был родом из этих мест. Каждый день он видел одно и то же: эти поля и луга и неторопливую, сонно-текущую реку. Ему захотелось подняться на вершину утеса и поглядеть на море. Коровы щипали сочную высокую траву, а собачонка зорко стерегла стадо.

Молодой пастух пошел к далеким скалам, напевая по дороге песню:

Волна тиха, волна светла,
Как из прозрачного стекла.
На дне звонят колокола:
Дин-дон, дин-дон, дин-дон!

У подножия зеленого холма притулился домик старого рыбака. Старик отдыхал на скамейке, покуривая трубку. Он ласково кивнул Питеру. Лицо у старика было цвета темной меди, а глаза словно выгорели от солнца.

– Славная песня! – сказал он. – Я и сам певал ее в молодости. Говорят, все в ней правда, каждое слово, да кто знает?

³ Комментарии к легендам см. на с. 221–238.

Пастух махнул рукой старому рыбаку и начал карабкаться вверх по скалистым уступам. Кривые ветки кустов цеплялись за полы куртки. Но вот он и на вершине. Пастух посмотрел кругом.

Стояло безветрие, но по морю все время катились широкие пологие волны.

Вот одна разбилась внизу, зашипела, затихла. За ней вторая... И вдруг в тишине послышался дальний приглушенный звон колоколов. Звон этот шел откуда-то снизу, будто поднимаясь по невидимой лестнице. Все громче и громче звучали колокола, и шум прибоя уже не мог заглушить их.

«Значит, и вправду на дне моря звонят колокола! – изумился Питер. – Словно радуются праздничному утру».

Бом-м! – глухо гудел могучий колокол, и ему на разные голоса торопливо и звонко вторили другие.

В этот миг в отдалении, за полосой прибоя, что-то ярко-ярко сверкнуло в волнах. Солнце скрылось за облаком, и стало видно: это появился из волн золотой петух. Вот диво! Стоит петух на золотом шаре, а золотой шар укреплен на острие золотого шпилья. Растет и тянется к небу золотой шпиль, и бежит от него по воде светлая дорожка.

Вот появились из моря еще два золотых петуха, а вот уже видна над волнами крыша высокого дома, так богато украшенная, будто на дом надета драгоценная корона.

Питер взглянул вправо, взглянул влево... Там, где всего минуту назад катились пустынные волны, теперь виднелся густой лес стрельчатых шпилей, колоколен и башенок. Столько, что и не сосчитать!

Бом-м! – гремел большой колокол, и звонкие серебряные голоса малых колоколов подпевали ему: «Мы рады солнцу, рады свету! Мы вышли из моря, вышли из моря...»

Стаи стрижей взлетели с башен и закружились в небе, словно не могли нарадоваться голубому простору.

Смотрит Питер – глазам своим не верит. Выплывают из волн одна за другой островерхие крыши.

Еще несколько мгновений – и поднялся из морской пучины круглый остров. А на нем сияет украшенный золотыми статуями прекрасный город.

«Уж не сон ли я вижу? – подумал Питер. – Или, может быть, это радуга встала над морем и ослепила меня? О, если бы моя любимая Магдалена была здесь, рядышком, и видела это чудо!»

Пастух протер глаза и больно ущипнул себя, чтобы увериться, не спит ли он? Но нет, город не исчез, как сонное видение.

Вот улицы, вот дома, десятки, сотни домов! Они стоят тесными рядами и похожи на золотые улы. Вот высокий собор.

Три сторожевые башни охраняли вход в город: одна, самая большая, посередине и по обе стороны две другие, поменьше. В главной башне тяжелые медные ворота, а над ними щит с гербом: ларец, полный золота, и лев с разинутой пастью.

Шум прибоя затих. Море словно обмелело, и от самого берега поднялась со дна и протянулась к воротам песчаная коса, длиной шагов в триста.

«Будто подъемный мост», – подивился пастух. Он торопливо спустился с утеса, в кровь исцарапав ладони, и пошел к городу, увязая ногами в мокром песке.

Теперь колокола звонили так громко, что дрожал и сотрясался весь воздух кругом.

Питер подошел к высоким медным воротам и остановился.

«Только искусным мастерам под силу сделать такие ворота, – подумал он. – Ничего не скажешь – отменная работа! Их не сокрушить и полчищам врагов... А что, если вдруг откроются ворота? Войти мне в этот город или нет? Боязно как-то, однако и взглянуть на город охота. Э-э, да что думать попусту! Ворота все равно крепко-накрепко заперты...»

Вдруг Питер вздрогнул и невольно сделал шаг назад.

Померещилось ему: стоит в тени ворот прозрачная девушка, закрыв лицо руками. Длинные волосы ее, словно утренняя золотистая дымка, окутали плечи. А сама вся сжалась, дрожит, будто озябла.

Тут девушка опустила руки, и пастух увидел, что это его невеста Магдалена. Слезы текли по ее бледному лицу, и смотрела она на него с несказанной мольбой и тревогой.

«Храни тебя Господь, моя Магдалена! – с волнением произнес про себя Питер. – Это, верно, твоя душа явилась, чтоб вовремя остеречь меня, чтоб я поскорей удалился от этого недоброго места. Так я и сделаю. Поспешу-ка я назад...»

Только он это подумал, послышались натужные хриплые крики:

– Эй, налегай, налегай сильнее! Петли заржавели. Все вместе, разом!

С лязгом и скрежетом растворились тяжелые ворота. Появился человек, одетый в пунцовый бархатный кафтан, украшенный гербом города. Человек вскинул золотую трубу и громко затрубил. Она звучала торжественно и призывно.

Питер глянул в открытые ворота да так и замер на месте.

С высоких башен струйками сбегала вода. Легкий пар поднимался над кровлями. Дорога, мощенная разноцветными камнями, была мокрой, как после сильного дождя.

На маленькой площади толпились люди в нарядных богатых одеждах. Они взволнованно переговаривались, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть Питера.

– Вон он, смотрите! – послышались голоса. – К нам пожаловал гость. Какая радость! Он – бедный, он, похоже, беднейший из бедных... Он нищий. У него заплаты на коленях, прорехи на локтях! Какая удача!

«Станный народ! Чему тут радоваться?» – удивился Питер.

Ему вдруг стало как-то не по себе, словно пахнуло на него холодным сырым ветром. Он хотел было уже повернуть назад, однако не тут-то было! Его со всех сторон окружила толпа

пышно разодетых слуг. Они низко и почтительно кланялись ему, приглашая войти, и подобострастно улыбались. Но двое дюжих молодцов крепко подхватили его под локти.

– Спятели вы, что ли! Пустите меня! – крикнул Питер.

Но слуги насильно повели его через площадь, вверх по улице.

Все дома тут, как видно, были построены в глубокую старину, но ничуть не обветшали. Было на что поглядеть: столбы из мрамора и лазурита⁴, статуи людей, так искусно высеченные из камня, что казались живыми. Двери украшены золотом. В каждом окне узор из цветных стекол: вот роза, вот звезда, вот прекрасная девушка.

Двери лавок были широко открыты, а в них – чего только нет! У Питера просто глаза разбежались. Купцы, стоя на пороге лавок, приветствовали его низкими поклонами, ласково кивали ему. И все же душу Питера томили неясный страх и тревога.

Посередине улицы били хвостами и разевали рты морские рыбы. Во все стороны испуганно разбежались крабы. Какая-то женщина выжимала подол намокшего платья, украшенного кружевом. Девушки расчесывали золотыми гребнями влажные волосы, чтобы они поскорей просохли под лучами солнца.

Но всего удивительнее было вот что! На крыше одного из домов стоял, накренившись, трехмачтовый корабль. В боку чернела глубокая пробоина, канаты перепутались, на грот-мачте⁵ – выцветший флаг с черепом и скрещенными костями.

Еще приметил пастух старую рыбацкую лодку. Крепко зацепилась она за острую башенку. Праздно свесились с бортов весла, на ветру трепетал выдавший виды залатанный парус. Станным показалось все это Питеру.

«Кто же приплыл на этой лодке?» – с внезапной тоской подумал он.

Питера провели еще по нескольким улицам, и вот перед ним открылась широкая площадь. Со всех сторон ее окружали прекрасные здания: собор, ратуша⁶ и торговые ряды. А немного поодаль возвышался дом, украшенный золотыми петушками.

Возле ратуши и на ступенях собора стояли люди. На мужчинах были длинные мантии, отороченные кунным и собольим мехом. На женщинах сверкало множество украшений: ожерелья и пряжки, серьги и перстни. А одеты они были все только в парчу и атлас.

Так гордо, так высокомерно глядели эти люди, словно им принадлежали все сокровища земли. На мостовой лежала золотая подкова, и кто-то небрежным пинком отшвырнул ее прочь.

Слуги остановились и отпустили руки Питера.

Из толпы вышел человек с тяжелой золотой цепью на груди и сказал медленно и важно:

– Здравствуй, гость наш, добро пожаловать! Все мы, именитые купцы нашего города, вышли тебе навстречу. Оцени оказанную тебе честь. А теперь твоя очередь говорить. Скажи нам, кто ты? Как тебя зовут? Богат ты или беден?

– Мой почтенный господин! Я – пастух, служу по найму. Зовут меня Питер. Выгнал я нынче утром хозяйских коров пастись на лужок и вот, волей или неволей, попал в ваш город.

– Мы все рады тебе, Питер! Значит, ты беден? Что ж, прекрасно! Или, вернее сказать, горе невелико. Но скажи мне: ты женат или еще одинок?

– Я один на свете, нет у меня ни кола ни двора. Вот прикоплю немного денег, куплю корову, тогда и женюсь. Может, и домик построю, я мастак работать топором. Вот и всё. Если подумать, так бедному человеку о себе и рассказать-то нечего.

– Э, да ты в счастливый час родился, милый сынок мой Питер! Это говорю тебе я, старшина купцов – господин Ангесхольм! Принесите сюда ключ, да поживее!

⁴ Л а з у р и т – камень синего цвета.

⁵ Грот-мачта – средняя (или вторая от носа), самая большая по размеру мачта на парусном судне.

⁶ Р а т у ш а – в большинстве европейских стран здание, где заседает городской совет.

Тотчас принесли подушку из красного бархата, а на ней – большой тяжелый ключ с тремя зубцами.

– Вот тебе ключ от самого лучшего, самого красивого дома в нашем городе. Видишь, как горят на его крыше золотые петухи? Подними голову кверху и посмотри, Питер! Этот дом мы дарим тебе. Он полон несметных богатств от чердака до подвала. Останься с нами и живи в нашем городе.

Старшина купцов подошел к пастуху, по-отечески положил руку ему на плечо.

– Слушай, Питер, да смекай хорошенько. Не случайно, не сгоряча назвал я тебя своим милым сынком. Решил я с тобой породниться – хочу, чтоб ты стал моим зятем. Бог даровал мне двух дочерей-красавиц: Элинетту и Лионетту. Дружны и неразлучны были мои дочурки. Думалось мне, ничто не может омрачить их счастья, но судьба решила иначе...

Тут, не договорив, умолк господин Ангесхольм. Прикусил губу, нахмурил седые брови. Затуманился его взор. Видно было, что он с трудом сдерживает тайную боль каких-то тяжких воспоминаний.

Печальный вздох пролетел над толпой. Женщина в белом чепце опустила голову, молодой осанистый купец отвернулся, а кудрявая девушка смахнула с ресниц слезинку.

– Ну да не о том речь! – спохватился господин Ангесхольм. – Ступай, старая кормилица, кликни мою младшенькую! Скажи Лионетте – я зову ее. Хочу, чтоб вышла она к нам сюда на площадь.

– Сейчас, сейчас, господин Ангесхольм! – засуетилась кормилица. Одышливо охая, поднялась по лестнице и скрылась в доме.

В высоких стрельчатых дверях показалась стройная девушка. Плавным шагом спустилась она по мраморным ступеням. Ее лицо было скрыто кружевным покрывалом, зыбким и узорным, как морская пена. Шитое серебром платье отяжелело от влаги.

Господин Ангесхольм своей рукой откинул покрывало, и замерли люди на площади, завороженные дивной красотой девушки.

Да, несказанно прекрасна была Лионетта! Бледно-золотые кудри придерживал алмазный обруч, но один непокорный локон упал ей на лоб. Она подняла длинные ресницы и поглядела на Питера. Казалось, само море подарило бездонную глубину ее глазам.

– Что, хороша?! – воскликнул седой купец. – Молчишь, парень, онемел от радости? Еще бы! Ты и мечтать не смел о такой невесте. Ну, что скажешь?

И странное дело! Померещилась Питеру тайная мольба во взгляде прекрасной девушки. «Не отвергай меня, Питер! Скажи, что берешь меня в жены...» – словно говорили ее глаза.

В замешательстве стоял молодой пастух, не в силах вымолвить и слова. Купцы, все, как один, выжидающе смотрели на него. А Лионетта призывно протянула к нему нежные руки, украшенные тяжелыми золотыми браслетами.

Наконец Питер собрался с духом и заговорил.

– Благодарю вас за великую честь, господа купцы! Уж вы не держите на меня зла, но никак не могу я согласиться. Поклялся я в верности Магдалене, девушке из моего родного селения. Работает она простой служанкой у господ. Считает дни, все надеется, что прикоплю я денег и мы поженимся. Нет слов, хороша ваша невеста, но отпустите меня!

Гневно взглянул на него господин Ангесхольм из-под насупленных бровей. Но пересилил себя, принялся вкрадчиво уговаривать, как мед полились его слова.

– Опомнись, любезный сынок мой Питер! Пожалеешь потом, ох как пожалеешь! Что тебе нищая служанка с шершавыми руками? Нечего сказать, велика радость купить корову да выстроить кособокую лачугу! Не поленись, сынок, войди в дом с золотыми петухами на крыше. Только подумай: он твой, ты в нем полный хозяин! Откинь сомненья, подай руку своей невесте!

Но упрямо покачал головой Питер:

– Вы так добры ко мне, совестно отказываться. Но делать нечего, дал я обещание моей Магдалене и не нарушу его, хотя бы небо надо мной затмилось и земля ушла из-под ног.

– Замолчи, замолчи, несчастный! – побледнел господин Ангесхольм. – Какие страшные слова!

Вдруг городской глашатай поднес к губам золотую трубу и протяжно протрубил один раз.

Точно ветер, предвестник бури, пролетел над площадью. Толпа зашумела. Все принялись уламывать и упрасивать пастуха.

Купцы прикатили бочки, набитые золотом. Бросали к его ногам драгоценные кубки, цепи, унизанные алмазами, перстни, кошельки. Разворачивали перед ним шелк, похожий на цветущий луг, бесценные ковры. Но Питер только виновато вздыхал и стоял не поднимая головы.

– Пошли тебе Господь, прекрасная Лионетта, жениха, достойного тебя! – наконец сказал он. – Именитого и знатного родом, не то что я. А меня отпустите восвояси: бросил я хозяйское стадо без присмотра.

– Значит, мы мало посулили тебе! – еще больше встревожились купцы. – Бери, пастух, бери все, что тебе приглянулось. Требуй от нас чего хочешь – не пожалеем. Что клятвы и обещания, что ты дал нищей девочке? Звук пустой!

Городской глашатай снова вскинул кверху трубу, два раза громко протрубил и вскричал:

– Скоро полдень, граждане нашего города! Скоро полдень, торопитесь!

Старшина купцов схватил Питера за плечо. Голос его дрожал и прерывался:

– Спаси нас, пастух! Мы откроем тебе великую тайну. Лишь раз в сто лет, на одно только утро, выходит наш город из пучины моря. Колокола возвестят полдень – и он снова погрузится на самое дно. Но если за это время войдет в наш город юноша и женится на одной из наших девушек, то с города будет снято проклятье и море больше не поглотит его. Спаси нас, Питер, мы все молим тебя!

Услышав это, пастух бросил свою шапку на землю и закричал:

– Какая беда! Какая беда! Я готов отдать свою жизнь, чтобы спасти ваш город. Но я не могу нарушить клятву верности, не могу!

Тут он увидел, что лица стоявших вокруг него людей исказились от лютой злобы. Опасный огонь засверкал в глазах.

– Тогда ты уйдешь под воду вместе с нами! – загремел старшина купцов. – Такое уже бывало. Вон, взгляни на него! – И он указал на смуглого человека с серьгой в ухе. – Это капитан разбойничьего корабля. Сто лет назад, ранним утром, он вошел в наш город, но освободить его не смог. Нехотя, скрепя сердце, дала свое согласие Лионетта. Ради всех нас, ради спасения родного города решила она. Только скрыл от нас презренный лжец, что ждет его на берегу жена с малыми ребятишками. И как же открылся безбожный обман? Лишь переступил подлый разбойник порог святого храма – пошатнулся крест на алтаре, и одна за другой погасли все свечи. Делать нечего, пришлось признаться мошеннику во всем. Однако мы сказали ему: «Ступай прочь из нашего города! Поторопись, еще успеешь». Но жадность сгубила его. Заприметил он золотое корыто, из которого ели свиньи. Взял он на плечи золотое корыто и, согнувшись в три погибели, заковылял к воротам. Да поздно. В последний раз протрубил глашатай, и...

Не договорив, умолк господин Ангесхольм и только махнул рукой.

Тут капитан разбойничьего корабля по-волчьи оскалил зубы и выхватил из-за пояса нож.

– Да что вы нянчитесь с ним, глупцы! – завопил он. – Скрутить ему руки, отвести в церковь да силком обвенчать с девушкой, а не то я всажу ему клинок в горло. Скоро полдень! Скоро полдень!

Стражники окружили Питера и хотели было схватить его. Но Лионетта выступила вперед, властно подняла руку и крикнула ясным звонким голосом:

– Я отпускаю его! Слышите? В память моей несчастной сестры Элинетты я отпускаю его на свободу! Беги, пастух, пока не поздно, беги!

Вдруг земля под ногами дрогнула и подалась вниз. Зашатались дома, зазвенели цветные стекла. Отчаянно закричали птицы, опускаясь на кровли домов.

Стражники оцепенели, словно к месту приросли.

В последний раз взглянул Питер на прекрасную Лионетту. Печаль и безнадежность светились в ее синих глазах. Он низко поклонился ей, повернулся и бросился со всех ног вниз по улице. А за его спиной, и все ближе, топот, крики, проклятия. Полетели камни, мимо просвистел нож.

Вот и городские ворота. Открыты настежь.

В этот миг в третий раз прозвучала золотая труба городского глашатая. Прозвучала отчаянно, обреченно... С лязгом и скрипом начали закрываться медные ворота. Вот уже осталась маленькая щелка. А в нее льются солнечные лучи... В последний миг успел Питер проскочить между тяжелыми створками, и они защемили полу его куртки. Но куртка была старая, изношенная, и пола легко оторвалась.

Пастух побежал по песчаной косе. Он бежал так быстро, как никогда в жизни, а песчаная коса оседала под ним, уходила в море. Вот он уже по колени в воде, вот по пояс, вот по самые плечи. Тут волны страшно закипели вокруг него... Да слава богу, до берега уже рукой подать.

Питер торопливо взобрался на прибрежный холм, цепляясь за ветки кустов.

Один за другим стали затихать колокола. Дольше всех, заунывно и протяжно, как в дни больших похорон, гудел большой колокол на башне собора. Но и этот колокол звучал все глуше и глуше. И вот уже все заглушил шум прибоя...

Питер оглянулся с вершины холма – и сердце его сжалось от боли. Перед ним расстилось пустынное море. Последний раз блеснул в волнах золотой петушок и пропал из глаз.

Пастух медленно пошел с холма вниз, туда, где сидел у дверей своей хижины старый рыбак.

Старик вынул трубку изо рта.

– Что с тобой, парень? На тебе лица нет.

– Разве ты ничего не слышал? – спросил в свой черед молодой пастух. – Не слышал звука труб и колокольного звона?

Старик пристально поглядел на него и показал рукой на скамейку:

– Садись рядом со мной и расскажи, что с тобой приключилось.

Все рассказал Питер старику, все, что видел и слышал.

– Так и потонул он снова в морских волнах. И осталась там между створками медных ворот пола моей куртки. Поведай мне, добрый человек, может быть, ты и раньше слышал об этом городе?

– Слышал, и не раз. Наши отцы и деды говорили нам, что глубоко-глубоко на морском дне стоит большой прекрасный город. Когда-то, много сот лет назад, не было богаче города на всем побережье нашего моря. Золотой город – вот как прозвали его люди.

Сядь поближе да послушай. Вспомнилось мне предание, старое, как эти седые обветренные скалы.

Учат нас святые отцы: трудно богатому спасти свою бессмертную душу.

Жадность, зависть, вечный страх за свои сокровища одолевают скупых и богатых, ожесточают их сердца.

Так случилось и с жителями Золотого города. Потеряли они покой, всюду чудился им хитрый сговор, подвох да обман. Выставят стражу вокруг дома – гложут их недобрые подозрения и тревога. А ну, как кто-нибудь подкупит корыстного слугу. Слаб человечиска, падок на золото, продаст своего хозяина за пригоршню монет. По ночам, вздрагивая от каждого шороха, со свечой в руке обходили купцы притихшие залы и лестницы.

Но пуще всего боялись они чужаков да приезжих. От них жди беды и разорения! Мало ли на свете охотников до легкой наживы!

Вконец истомившись от бессонных ночей и тревоги, вот что порешили именитые купцы. Только подойдет к острову корабль под незнакомым флагом, тут же всех моряков – от капитана до матроса – с показной лаской да поклонами пригласить в пиршественный зал. Не забыть никого, даже смышленного мальчугана юнгу. В зале уже ломаются столы от невиданных заморских яств. Накормят всех гостей до отвала, а потом опоят крепким сонным зельем. А только опустится темный полог ночи на город, станут догорать свечи в золотых подсвечниках – хлопнет в ладоши старшина купцов. Один за другим бесшумно скользнут в зал слуги в черных плащах и масках. Все, как один, – отпетые негодяи, что давно уже запродали души дьяволу. Эти знают свое дело: им не впервой.

Без лишнего шума – каждому камень на шею. А потом одного за другим сбросят несчастных с отвесной скалы в кипящую морскую пучину.

«Проснутся наши гости на дне морском – то-то удивятся!» – усмехались купцы.

Довольные, усталые, расходились купцы по домам. Спи спокойно, Золотой город! Засовы и замки на дверях, луна освещает пустынные улицы.

Приказали купцы стрелять с башен в пролетающих над островом лебедей и чаек. Хоть и на своем птичьем языке, а могут разболтать глупые птицы о несметных сокровищах Золотого города.

Так год за годом жили да собирали богатство купцы. Радовались, что забыли люди про их остров, словно окружен он невидимой стеной.

Однажды проснулись жители Золотого города от воя и свиста ветра. Разбушевалось море. С грохотом бросает пенные валы на крутые утесы. Пробило дно утлой рыбацкой лодочки, чудом уцелел молодой рыбак. Нашли его утром на узкой полосе песка под скалой. Рассечен висок, в кровь ободраны ладони. Но вскочил на ноги рыбак, радуется: жив остался!

Перемигнулись купцы. Что ж, до вечера далеко. Пусть пока погуляет по городу парень, полюбуется напоследок невиданными красотами да убранством.

И надо же такому случиться: на площади перед ратушей повстречались нищий рыбак и старшая дочь богатея купца – Элинетта. Повстречались и полюбили друг друга с первого взгляда.

Две дочери было у старшины купцов: Элинетта и Лионетта, обе несказанной красоты и прелести. Пуще всех богатств берёт их отец. Мечталось ему: зашлют сватов к нему самые знатные женихи города, и несметно приумножится его добро.

Вошел в пышные купеческие покои рыбак, даже не посмотрел по сторонам, невежа, будто привык он видеть мрамор да золотую утварь и не впервой ему ходить по бесценным коврам. Не сводит он упоенного взора с прекрасной Элинетты. Глядит не наглядится.

«Вот мой избранник, батюшка! – с улыбкой нежности сказала Элинетта. – Верю, это моя судьба. Жестокая буря, я благословляю тебя! Пенные волны, низкий вам поклон! Вы принесли мне счастье! Отец, порадуйся вместе со мной!»

Потемнел лицом купец. Знает он упрямый нрав дочери: горяча, несговорчива, вся в него. Потому, хитрец, прикинулся радушным хозяином, лукаво согласился для вида.

Допоздна горели жаркие свечи за праздничным столом.

Заснула Элинетта в своей опочивальне. Лунный луч надел ей на тонкие пальцы серебряные кольца. Крепок сон юности, спит она беспечно, доверчиво, ни о чем не догадывается.

Опоенный густым темным зельем, в глубоком забытии лежит среди разбросанных парчовых подушек молодой рыбак.

Словно черные тени, скользнули в зал проворные ловкие слуги.

«Тоже мне, сыскался женишок! – с насмешкой прошипел купец. – Не слишком ли жирный кусок ты выбрал? Смотри не подавись! А ну, за дело, молодцы!..»

Слуги подхватили юношу.

Под покровом ночи свершилось безбожное дело. Только плеснула волна под скалой, разбилась лунная дорожка, и все стихло.

Утром сказал отец Элинетте, ласково приглаживая ее светлые кудри:

«Милое мое дитя, боюсь, я принес недобрые вести. Нынешней ночью пристал к нашему острову пиратский корабль. Встретился твой жених с одноглазым капитаном, и долго, за полночь, длилась их беседа. Посулил ему одноглазый разбойник легкую наживу да разгульные попойки в портовых кабаках. Все забыл твой беспутный жених, все поправил и предал, отплыл чуть свет на пиратском корабле. И ты забудь его, моя нежная девочка, – он не стоит и одной твоей слезы!»

Пристальным испытующим взором посмотрела Элинетта на отца, ничего не ответила, только страдальчески нахмурила тонкие брови, словно стараясь разгадать внезапную загадку.

...Однажды в ясный тихий полдень поднялась из волн красавица русалка. Плечи точно высечены из зеленого мрамора. Глаза лукавые, прозрачные. Длинные волосы переплетены морскими травами и нитями переливчатого жемчуга. А в тонких пальцах держит шелковый платок, шитый золотом.

Увидела Элинетта русалку, горестно вскрикнула и как подкошенная упала на руки подоспевших служанок.

«Мой, мой платок! Сама вышивала. Подарила я его любимому... Со дна морского подает мне знак. Уж не прогневался ли на меня за что? Или зовет меня к себе, торопит?»

Горюет отец, не осушает глаз мать. Лионетта обнимает любимую сестру, целует руки, молит успокоиться. Но Элинетта то упрямо молчит, то тихонько рассмеется, погрозит пальчиком. Причудливы, несвязны ее речи, все твердит о подводных дворцах из хрусталя и узорных коралловых гротах.

«Нету денег у морского царя. Но плывут ему прямо в руки золотые рыбки, – рассказывает Элинетта, а сама глядит как малое дитя. – Не печалься, батюшка! Соберу я тебе столько крупного жемчуга, сколько пожелаешь. Много на дне кладов с затонувших кораблей. Сверкают на дне золотые монеты. Вволю натешись, отец! Ведь я знаю: больше всего на свете ты любишь золото...»

Только обуют ее служанки, сбросит она с ног башмачки, босая бежит на морской берег. Наклонится над волнами так низко, что намокнут упавшие в беспорядке кудрявые волосы.

«Милый, мой милый! – шепчет Элинетта. – Верно, полюбился ты морскому царю, вижу, застлал он наше брачное ложе мягкими изумрудными травами. Жди меня, скоро мы свидимся...»

Как-то утром вошли служанки в спальню Элинетты – нет ее! Искали, звали – все понапрасну. С тех пор никто не видел больше прекрасную девушку.

...Однажды проснулись жители города и видят: висят в воздухе прозрачные дома и башни. Они не помеха солнечным лучам. Вон птица свободно пролетела сквозь них. Встал над городом его двойник. Все в точности повторяет отражение: каждый дом, каждый шпиль, каждую башенку.

Многие испугались:

«Это недобрый знак! Видно, гибель грозит городу. Бежим отсюда, пока не поздно!»

«Как?! – засмеялись самые богатые. – Покинуть наши дома, наши лавки и все наши сокровища! Все бросить из-за пустых бабьих страхов? Наш город окружен крепкими стенами, что с ним может случиться?..»

Тяжко-тяжко вздохнул старый рыбак и прислонился спиной к нагретому солнцем камню.

– А дальше сам догадайся, мой мальчик, что случилось с проклятым Богом за грехи несчастным Золотым городом. Молчит об этом древнее предание...

Замолчал старый рыбак, притомившись, потом зорко глянул на Питера.

– За всю свою долгую жизнь впервые повстречал я человека, которому довелось побывать в Золотом городе. Ты прошел по его улицам, видел все его редкости и диковинки, золотые статуи и дворцы. Ты смог заглянуть людям в глаза. Но скажи мне, старику, видел ли ты в их глазах хоть малую искру радости и света? Что молчишь? Задумался?... Ах, Питер, Питер!.. Знай же: время для жителей этого города навсегда остановилось. Не стареют они и не умирают. Но живут они в несказанной тоске и печали, ничто их не тешит и не веселит, потому что их души вечно тоскуют по Божьему миру...

– Этот город... Как его звали? – Питер даже привстал от волнения. – Хотелось бы мне знать его имя!

– Одни зовут его Золотым городом. Ну а другие говорят, будто имя его – Винета.

– Винета? – задумчиво повторил пастух. – Винета... Как красиво звучит!.. Боюсь, до конца моих дней не утешусь я, что не спас Золотой город. Да только разве мог я нарушить свою клятву?

– Не горюй! Ты поступил так, как должно, – хлопнул его по плечу старый рыбак. – И пошли Бог счастья тебе и твоей милой Магдалене, да чтоб поскорей сыграть вам свадьбу...

Питер попрощался со старым рыбаком и стал спускаться в зеленую долину. И пока он шел, не умолкая, звучал в его ушах старинный напев:

На дне звонят колокола:

Дин-дон, дин-дон, дин-дон!..

Флор и Бланшефлор

Прекрасный дворец эмира⁷ аль-Фелиса стоял на высоком холме, овеваемый легкими и теплыми ветрами. Высоко тянулись минареты, окружившие дворец великого эмира.

Недаром многие говорили, что не видали дворца красивее этого на всем побережье Средиземного моря. Со всех сторон дворец был окружен колоннами из порфира⁸ и лазурита. Между колоннами были перекинуты легкие узорные арки, украшенные тонкой резьбой и узорами из цветной эмали.

Мраморные ступени спускались полукругом вниз, к морю. Весь берег возле дворца был усыпан тонким золотистым песком. Черные рабыни выбирали руками из песка камешки и раковины, чтобы он ложился под ноги, как мягкий шелк.

Все полы во дворце устилали бесценные фессалийские ковры. На них были вытканы цветы и фруктовые деревья и невиданные крылатые звери и люди.

По террасе из белого мрамора с серебряной искрой нетерпеливо ходила юная жена эмира.

Была она красавица из красавиц. Ее огромные черные глаза порой блестели так ярко, что казались светлыми. Атласные брови лежали изящно изогнутыми дугами, словно прекрасный художник нарисовал их тонкой кистью.

Она нетерпеливо всматривалась в морскую даль, туда, где море сливалось с небом.

Неожиданно мягкий шум прибоя прервал зычный голос глашатая с восточной башни.

– Велик всемогущий Аллах, слава ему! Я вижу одиннадцать кораблей, и паруса их похожи на лебединые крылья в полете! Скоро они войдут в гавань.

– Это возвращается мой супруг и повелитель! – радостно воскликнула Заринда и приказала своим служанкам: – Наденьте на меня одежды цвета небесной лазури, подайте мне корону из голубых сапфиров! Пусть мой любимый обрадуется, увидев меня, ведь мы с ним не виделись пять месяцев и пятнадцать дней.

Один за другим подошли корабли к берегу в стройном порядке. Эмир аль-Фелис в окружении слуг и воинов поднялся на террасу, где ждала его прекрасная Заринда, и глаза ее сияли, словно были полны солнечных лучей.

⁷ Э м и р – в странах Востока так называли мусульманских князей.

⁸ П о р ф и р – камень красного цвета, используется в строительстве.

Что только не привозил эмир своей любимой супруге из дальних странствий! И драгоценные украшения, и шелка, и тончайшие, как утренний туман, покрывала. Ей очень хотелось узнать, что подарит ей супруг на этот раз, но она не спросила из скромности.

– Приветствую тебя, владычица красоты! – произнес аль-Фелис.

Они вошли во дворец, где высоко поднимал свои струи фонтан. На розовом мраморе, окружавшем его, сидели павлины из золота и драгоценных камней. Из их клювов лилась вода вперемешку с жемчугом.

– Я привез тебе много подарков, дорогая, – сказал эмир. – Но среди них есть один, который порадует тебя больше всего.

По его знаку евнухи⁹ ввели в зал, держа за руки, юную пленницу, закутанную в покрытое морскими брызгами дорожное покрывало.

Служанки сняли его, и Заринда вскрикнула от удовольствия, потому что девушка поражала своей красотой.

Ее светлые косы ярко блестели, а нежное лицо казалось прозрачным, как стекло. Особенно изумляли ее большие синие глаза.

– Царица моего сердца и судьбы, прими от меня этот подарок. – Эмир подвел к Заринде пленницу. – Ты давно мечтала иметь пригожую служанку.

Но Заринда легким шагом быстро подошла к девушке и нежно обняла ее.

– Благодарю тебя, мой супруг и повелитель! – воскликнула она. – Нет, не рабыней, не служанкой будет она. Я хочу, чтобы она стала моей подругой!

Пленницу звали Эльвира. Заринда увела ее в свои покои, и с тех пор они почти не разлучались.

Вместе гуляли они в тенистом саду, под неусыпным надзором евнухов купались в прохладных бассейнах, собирали цветы. Только в одном разнились они: жена эмира срезала только алые розы и, смеясь, прятала в них свое прелестное лицо, Эльвира срывала белые розы, без единого цветка другого оттенка.

– Почему ты так грустна, подруга? – однажды спросила ее Заринда. – Я часто вижу слезы на твоих глазах.

– Хорошо, я расскажу тебе, но это будет печальный рассказ, – тихо сказала Эльвира. – Я – христианка. Муж мой – сенешаль¹⁰ французского короля. Мы дали обет поклониться праху святого Иакова¹¹ и с большой свитой отправились в путь. Но в горах на нас напали разбойники. Муж мой бесстрашно отражал удары. Но силы были неравны. В этой битве погиб мой муж и его бароны. А я досталась разбойникам на позор и посмеяние. И тут, на мое счастье, подоспел эмир, твой благородный супруг. Он вырвал меня из рук насильников. А ведь я беременна...

– Как я рада это слышать! – с восторгом воскликнула Заринда. – Ты только подумай! Какое чудо! Ведь я тоже жду ребенка!

И вот наступил этот нелегкий и счастливый день. В один день и час Заринда и Эльвира разрешились от бремени. Жена эмира родила чудесного мальчика, а ее подруга – прелестную девочку.

Все ложе Заринды было засыпано алыми розами. Любуясь своим сыночком, Заринда назвала его Флор, что значит «цветок».

В соседнем покое, глядя на белые розы, Эльвира, благословясь, дала свой малютке имя Бланшефлор, что значит «белый цветок».

⁹ Евнух – слуга, следящий за женами господина в гареме.

¹⁰ С е н е ш а л ь – главный сановник при короле Франции. Заведовал внутренним порядком при дворе, был судьей и военачальником.

¹¹ Святой Иаков – один из двенадцати учеников (апостолов) Иисуса Христа. Подробнее см. коммент. на с. 226–228.

Прошло немного времени, и дети уже сидели рядом, передавая друг другу игрушки и золотые шарики. Они держались за руки, сияли черные глаза Флора, и светились небесной голубишной глаза Бланшефлор.

Дети плакали, только когда их разлучали и они не видели друг друга.

Но время шло. И когда Флору исполнилось пять лет, эмир решил, что пора начать учить сына разным наукам, грамматике и философии.

Во дворец аль-Фелиса был приглашен из города Монтуар прославленный ученый Гедеон, весьма премудрый, знающий разные науки.

Но, к огорчению эмира, маленький Флор зевал, тер глаза, не мог запомнить ни одной буквы. Он утверждал, что цифры, как бабочки, улетают с его грифельной доски.

– Вот если бы моя подруга Бланшефлор училась вместе со мной... – уныло твердил он.

– Девчонка! Что проку от девчонки! – гневался эмир.

Все же на следующем уроке дети сидели рядом. И тут все разом изменилось, словно по волшебству.

Уже через несколько дней дети без труда постигали сложные старинные тексты. Благородные законы математики, пути движения звезд по небосводу запоминались ими так легко, словно они когда-то странствовали по этим загадочным просторам. Сидя за столом из слоновой кости, они писали золотыми стилусами¹² на восковых дощечках нежные стихи друг другу.

Старый учитель из Монтуара с изумлением смотрел на прелестных детей и говорил, что, верно, сам Аллах вложил мудрость в эти юные головки.

После занятий дети шли в сад, заросший мандрагорой¹³ и всевозможными деревьями, привезенными из дальних стран.

Флор рвал цветы, Бланшефлор плела венки, а обе матери со слезами умиления смотрели на своих чад, больше похожих на сказочных духов, пришедших из страны грез и сновидений.

Время шло. Дети росли, оберегаемые матерями и верными слугами. Но даже в саду эмира однажды их подстерегла внезапная опасность.

Однажды Эльвира увидела в густой траве длинный извивающийся хвост. Змея была маленькая, но женщина знала: укус ее смертелен. Змея, покачиваясь, уже подняла над травой свою плоскую золотую головку. Послышался тихий свист. Еще мгновение – она обовьется вокруг ноги Флора – и мальчик погиб...

Не думая о грозящей ей опасности, Эльвира одним быстрым движением рванулась вперед и успела наступить на гибкое тело змеи.

– Флор, беги! – успела крикнуть Эльвира.

В этот миг змея извернулась и ужалила ее. Мать Бланшефлор жалобно вскрикнула. Подоспевшие слуги мечами разрубили на куски извивающуюся змею.

Но поздно! Эльвира побледнела и пошатнулась. Зарин да подхватила подругу.

¹² С т и л у с – палочка с заостренным концом, которой писали на покрытой воском дощечке.

¹³ М а н д р а г о р а – травянистое растение, корни которого напоминают человеческую фигуру, в связи с чем мандрагоре приписывали магическую силу и употребляли ее при гаданиях и занятиях магией.

– Лекарей сюда! Скорее! Прижечь ранку! – крикнула она.

Но все усилия спасти Эльвиру были напрасны.

– Бланшефлор, бедное дитя! – позвала Заринда. – Твоя матушка...

Бланшефлор упала на грудь матери. Глаза Эльвиры на миг ожили. В них зажегся далекий свет. Но руки ее были уже неподвижны.

– Ее душа прощается с ребенком, – прошептал старый седовласый лекарь.

Свет медленно угасал в глазах матери. Жизнь покидала ее. Она уже не дышала, скованная смертоносным ядом.

Бланшефлор заболела от горя. Флор не отходил от нее и, как мог, пытался утешить.

– Земля такая большая, – сказала Бланшефлор. – Но у меня теперь остался только ты один.

Флор был счастлив, когда, держа свою подругу за руку, он в первый раз вывел ее в сад.

Они подолгу гуляли по глухим тропинкам, находили укромные, уютные места. Сладкий, одурманивающий запах цветущих деревьев и цветов кружил голову. Усыпанные лепестками, они падали на траву, не разжимая объятий, и без конца целовали друг друга.

Им казалось, что деревья понимают их и надежно укрывают от чужих взглядов. Но только не от неусыпного внимания евнухов и хитрых служанок. Так скоро о влюбленных узнали эмир и Заринда.

Эмира охватил неистовый гнев. Как?! Его сын, единственный наследник власти и богатства, пленился какой-то безродной сироткой, прозрачной, как льдинка! Ведь ее мать он отнял у разбойников. А отец? Говорят, он был французским дворянином. Но, может быть, это выдумки, сказки, ведь имя его неизвестно. А соседние властители все чаще, как бы невзначай, заводят речь о своих дочерях, чернооких красавицах, богатых и знатных. К тому же Бланшефлор – иноверка. Позорный брак! Он оскорбит их род и славу древних предков. Но что же измыслить, как спасти любимого сына от пагубной любви?

Несколько ночей не спали родители, пока не придумали хитроумную затею. Они решили отправить учиться своего сына в далекий город Монту ар, прославившийся своими учеными, алхимиками и звездочетами.

Узнав об этом, Флор пришел в отчаяние.

– Отец! – взмолился он. – Это разобьет мое сердце! Я не выдержу. Я не могу и дня прожить без Бланшефлор.

– Послушай меня, – с улыбкой сказал эмир. – Найди в городе дворец, достойный Бланшефлор. Усыпь ее ложе лепестками белых роз. Найми лучших танцоров и музыкантов, чтобы достойно встретить ее. Когда все будет готово, пришли к нам верного слугу, и Бланшефлор придет к тебе вместе со своими придворными дамами и служанками.

– Мы расстанемся ненадолго, любимая, – с грустью проговорил Флор.

Прощаясь с Бланшефлор, он без конца целовал ее прозрачное личико и руки.

Эмир и Зарин да смотрели на них, с трудом сдерживая гнев и досаду.

Долго стояла Бланшефлор у окна и смотрела вслед стройному всаднику на благородном тонконогом коне. Влажными были края занавески от ее слез.

– Девочка моя, – сказал эмир, когда Флор скрылся за поворотом, – я хочу тебя немного развлечь. В наш порт прибыл богатый купеческий корабль. Его трюм полон сундуков с драгоценностями и прекрасными тканями. Ты выберешь себе, что пожелаешь. Может, это хоть немного развлечет тебя. Сходи туда хотя бы ради меня, мне так тяжело видеть слезы на твоих глазах.

Эмир и Бланшефлор, окруженные слугами, спустились к морю. Они взошли на купеческий корабль, и седобородый толстый купец прямо-таки застыл на месте, пораженный чудесной красотой Бланшефлор.

Пока Бланшефлор равнодушно перебирала украшения, погруженная в глубокую печаль, купец и эмир быстро сторговались и оформили торг. Купец не жалел денег: он знал, что сможет продать Бланшефлор гораздо дороже, а эмир был готов отдать хоть даром безродную девчонку, которая так вскружила голову его сыну.

Бланшефлор, словно погруженная в забытие, молча сидела, даже не глядя на бесценные украшения.

Вдруг она почувствовала, что пол в каюте качнулся. Бланшефлор бросилась к окну и, к своему ужасу, увидела, что корабль отплыл от берега и удаляется в открытое море. Она залилась слезами, догадавшись, как бесчеловечно ее обманули.

Она кинулась в ноги к толстому купцу, умоляя отвезти ее на берег. Но тот с усмешкой только поглаживал свою длинную бороду. Деньги, деньги! Больше ничего не интересовало его. Бланшефлор вернулась в свою каюту. От качки шкатулка с драгоценностями опрокинулась, и сверкающие украшения рассыпались по ковру. Бланшефлор, не глядя на них, опустилась на колени и начала молиться:

– Господь милосердный! Ты с нами и в радости, и в беде. Молю Тебя, не допусти, чтобы язычники надругались над моей душой и телом! Пресвятая Владычица Богородица, заступница наша, спаси и охрани моего любимого!..

А во дворце эмира аль-Фелиса слышен был стук молотков, отбивающих куски мрамора, торопливые голоса. Работали художники, скульпторы, златокузнецы. Ювелиры выкладывали узоры из драгоценных камней.

Возле могилы Эльвиры, матери Бланшефлор, был установлен еще один надгробный камень. Смерть украла то, что казалось бессмертным, – жизнь Бланшефлор, ее несравненную красоту и прелесть.

Кто видел надгробие над могилой Бланшефлор, замирал, пораженный. Мастера выковали подобия всех зверей и птиц, живущих на земле, и рыб, которых прячет морская глубина. Между причудливыми узорами поднималась хрустальная плита, на ней были изваяны из золота

две детские фигурки, навек заключившие друг друга в объятия. Над их головами был укреплен бесценный карбункул¹⁴, сиявший так ослепительно, что путники могли видеть его свет еще издали, даже когда дворец эмира еще тонул в утреннем тумане. Самоцвет сверкал так ярко, что слуги по ночам могли ходить без факелов и фонарей.

А между тем Флор, приготовив дворец для встречи Бланшефлор, в нетерпении сам решил ехать за ней и привезти ее в Монтуар.

Он торопил коня, слуги едва поспевали за ним, и наконец он увидел вдалеке дворец эмира, освещенный незнакомым светом. Это был драгоценный карбункул, укрепленный на хрустальной плите.

С темным волнением, которое таит беспокойная совесть, ждали сына эмир и Заринда.

– Где Бланшефлор? Почему она не встречает меня? – еще издали крикнул Флор. – Скажите, что я приехал! Позовите же ее!

– Позвать? Откуда?.. – дрожащим голосом ответила Зарин да, закрыв лицо руками.

– Так где же она? – спросил, подсказав, Флор. Сердце его сжалось от мрачного предчувствия. – Для шутки это слишком жестоко.

– Прекрасная Бланшефлор там, откуда нет возврата. Бланшефлор мертва... – собравшись с силами, тихо проговорила Зарин да.

Эмир обнял сына, но, выскользнув из его объятий, Флор без чувств упал на мраморные ступени могилы.

Едва придя в себя, он, шатаясь, поднялся по ступеням, обнял могильный камень и застыл, словно став его частью.

– Смерть, не убегай, я догоню тебя!.. – еле слышно простонал он. – О моя Бланшефлор!.. По расцветающему лугу я пойду искать тебя, чистейшую жемчужину вселенной... Скоро мы встретимся.

Флор выхватил из ножен тонкий отточенный кинжал... Еще мгновение – и он вонзил бы его себе в сердце. Но мать в своем отчаянии оказалась проворней. Она успела выбить кинжал из его руки, и он со звоном покатился по мрамору надгробия.

– Сын, мой любимый сын, опомнись! – крикнула Заринда, прижимая Флора к своей груди.

Но Флор оттолкнул ее и, словно охваченный безумием, бросился к высокой скале, одиноко нависшей над морем. Под скалой бешено кипели морские волны, то закрывая пеной смертельно опасные острые камни, то, отхлынув, снова открывая их.

Но там, наверху, Флора поджидали преданные слуги, предусмотрительно посланные туда эмиром.

¹⁴ К а р б у н к у л – драгоценный камень, красный гранат.

Юноша быстро спустился вниз и бросился к глубокому темному подземелью, где два свирепых льва с рычанием грызли тяжелые цепи, которыми они были прикованы к железным кольцам.

Отчаянно вскрикнула Заринда. Но что это? Не знающие жалости звери легли у ног Флора и ласково прижались к нему косматыми головами.

– Сын мой, любимый сын, поднимись наверх! – рыдая, воскликнула Заринда. – Мы виноваты перед тобой. Мы жестоко и подло обманули тебя. Поднимись к нам, и мы откроем тебе страшную тайну!

Флор поднялся из подземелья по спущенной ему в темноту веревочной лестнице.

Заринда обняла его ноги, эмир покаянно опустил голову.

– Прости нас, сын! – Аль-Фелис сокрушенно вздохнул. Казалось, вздох вот-вот разорвет ему грудь. – Мы знали, что ты любишь красавицу Бланшефлор, но не понимали, что твоя любовь бескрайня, как сама жизнь. Ложь и обман не открывают двери в царство счастья. Узнай же правду: прекрасная Бланшефлор жива!

– Жива? Вы сказали – жива?! – вне себя от волнения воскликнул Флор. – Но как же? Я же видел там, в саду...

Он не мог выговорить слово «могила».

– Могила пуста, мой милый сын. – Голос эмира прерывался. – Ты можешь сам убедиться в этом.

По знаку эмира черные рабы отвалили тяжелый, покрытый драгоценностями надгробный камень, затем они стали рыть глубокую яму. Флор, не выдержав, помогал отбрасывать землю голыми руками.

Могила была пуста. Только осколки мрамора и увядшие лепестки цветов.

– Но где же она, где?! – вне себя от волнения воскликнул Флор. – Да говорите же!

Заринда стояла молча, не смея обнять сына.

– Мы продали ее богатому купцу, – глухо проговорил эмир. Это был голос старика. – Мы думали, пройдет время, и ты забудешь ее. А мы найдем тебе другую невесту, красивую и бога...

Он не договорил. Только сейчас, глядя в глаза сыну, полные отчаяния и тоски, он впервые до конца понял, каким низким и бесчеловечным был их обман.

Флор вскочил на ноги. Глаза его горели.

– Клянусь! – воскликнул он. – Нет такого уголка земли, самого дикого и отдаленного, куда бы я не отправился, чтобы найти Бланшефлор!

Эмир и Зарин да безнадежно переглянулись. Было ясно: им не удастся удержать сына.

Вздыхая, аль-Фелис приготовил Флору все, что может пригодиться ему в далеком пути. Лучший, самый надежный корабль приказал он снарядить в дорогу. Слуги до позднего вечера грузили на корабль тяжелые мешки и сундуки. Ковры тонкой работы, лучшие шкурки соболей и куниц, золото и серебро, драгоценную утварь.

Отец дал Флору коня редчайшей породы. Один бок коня был алый как кровь, другой сиял белизной, как снег на горных вершинах. Не забыл он положить среди вещей сына бесценный кубок, из которого пил когда-то сам Юлий Цезарь¹⁵.

Мать надела на палец Флора медное кольцо, блистающее невиданными камнями и покрытое таинственными письменами.

– Береги это кольцо, мой милый сынок, – сказала Заринда. – Это не простое кольцо. Пока ты носишь его, тебе не страшен ни огонь, ни бурные морские волны, тебя нельзя ни отравить, ни заколоть кинжалом. Береги это кольцо, сынок!

Преданных, верных слуг послал в дорогу эмир, ведь его сын еще так молод. Семь закаленных в боях воинов должны были охранять Флора день и ночь.

– Но в какую сторону мне направить корабль? – уже стоя на палубе, спросил Флор. – Куда направился купец? На запад, на восток, на юг? Всюду безбрежное море.

– Мельком слышал я, что поплыл он на восток, к Валдаху, городу богатому и славному, – ответил аль-Фелис, прижав к груди дрожащие руки. – Туда раз в месяц съезжаются короли и эмиры. Там можно купить черного раба и красивую девушку для гарема...

– Туда я и поплыву. Для гарема... – Голос Флора дрогнул.

Стоит ли говорить, как плакала мать, обнимая сына, а эмир стоял молча, с омраченным лицом.

Но вот моряки подняли паруса. Воздух был прозрачен, свеж и светел. Все предвещало хорошую погоду.

– Как быстро удаляется корабль! – Заринда, рыдая, закрыла лицо руками.

Четыре дня плыли путешественники, не слишком удаляясь от берега, и наконец вдали показались башни большого города, воздвигнутого на высоком берегу.

Флору указали дом зажиточного¹⁶ купца, который охотно принимал у себя богатых путников.

Юноша одарил хозяина щедрыми подарками и был гостеприимно принят им в лучших покоях.

За вечерней трапезой Флор стал расспрашивать купца, не слышал ли он о пленной девушке, золотоволосой и несравненной прелести.

– А как же! А как же! Сам видел! – воскликнул словоохотливый хозяин. – Клянусь всемогущим Аллахом, на свете не сыщешь второй такой красавицы! Волосы цвета золота и меда, личико нежное и прозрачное, а глаза...

– Это она! – воскликнул Флор. – Где мне ее искать, скажи! Вот тебе золотая цепь с изумрудами. Расскажи все, что знаешь.

¹⁵ Гай Юлий Цезарь (102 или 100 – 44 гг. до н. э.) – римский полководец и правитель. Подробнее см. коммент. на с. 228.

¹⁶ З а ж и т о ч н ы й – состоятельный, с большим достатком человек.

– Многие, многие хотели ее купить... – вздохнул купец. – Да ее владелец заломил такую цену, что не подступишься. Один хотел продать и дворец, и все свои владения, да что там! Не сторговались.

– Так куда же повез ее купец? Куда мне плыть? – в тоске спросил юноша.

– Что тебе сказать? Думаю, не иначе как в далекий город Вавилон¹⁷. Там, где течет река Евфрат. Нет другого города на свете богаче его. Только знай: труден этот путь. Плыть придется в обход больших островов, а сколько времени пройдет, пока доплывешь до него, никто не знает. Как повезет...

– А если прямо плыть? – нетерпеливо проговорил Флор. – Нет сил ждать!

– Э-э, юноша! – отвечал купец. – Иного пути нет. Подводные скалы, острые и неприступные, преграждают путь в открытое море. Да с этим, пожалуй, справится твой опытный кормчий¹⁸. Беда в другом. Два острова преградят тебе путь. Говорят, легче было проплыть между древними Скиллой и Харибдой¹⁹, чем в узком проливе между этими островами. Угнездились на них лихие разбойники. Только войдет корабль в смертельный пролив, вцепятся, проклятые, острыми крючьями в борта корабля. Умело и ловко прыгают они на корабль, застрявший между берегами. Начинается грабеж и резня. Никому еще не удалось пройти между этими островами.

– Но я не могу ждать и плыть в обход! – в отчаянии воскликнул Флор. – Неужто нельзя перерубить их крючья и проплыть мимо?

– Есть у нас в городе оружейных дел мастер, – задумчиво сказал купец. – Выковывает он такие топоры, что и камень разрубят, и железо. Только суров он нравом и мало кому соглашается помочь.

– Я уговорю, умолю его! – с возбуждением ответил Флор. – Веди меня к нему.

Оружейных дел мастер был высок ростом и широкоплеч. Он казался великаном среди своих подмастерьев. У него были густые, мрачно нависшие брови, но глаза смотрели спокойно и мудро.

Выслушав сбивчивый рассказ Флора, он отомкнул ключом крепкую дверь в мастерскую, освещенную факелами.

Никогда еще Флор не видел столько оружия: прекрасно выкованные мечи, сверкающие кинжалы, острые наконечники для пик.

– Вот что тебе надо. – Оружейный мастер открыл большой деревянный ларь, полный крепких, искусно сделанных топоров.

– Продай мне их, мастер! Я заплачу сколько скажешь! – воскликнул Флор.

– Не продажны эти топоры, – возразил оружейник. – Но я отдам их тебе даром, потому что вижу: нужны они тебе для благой цели. Поспеш на корабль.

– Я никогда не забуду твоей доброты! – растроганно произнес Флор. – Да хранит тебя Аллах всемогущий!

– Доберешься до Вавилона – увидишь у реки прекрасный дворец, – сказал напоследок оружейных дел мастер. – Хозяин дворца – богатый и достойный человек. Доверься ему, он даст тебе верный совет. А твоя девушка!.. Я видел ее. Такая красота оставляет за собой яркий свет...

Вот уже на борт корабля подняты и лошади, и кладь, и бесценные топоры. Суровый кормчий встал у руля, вглядываясь в ночной сумрак. Ветер наполнил паруса. В полночь, освещен-

¹⁷ В а в и л о н – город в Месопотамии, существовавший в XIX–VI вв. до н. э. В данном случае – историческая неточность. Подробнее о таких неточностях см. коммент. на с. 228–229.

¹⁸ К о р м ч и й – рулевой, управляющий движением судна.

¹⁹ С к и л л а (Сцилла) и Харибда – морские чудовища, обитавшие на скалах по обеим сторонам узкого пролива и нападавшие на проплывающие корабли (*гр. миф.*).

ные робким светом узкого месяца, показались из темноты два горбатых острова, похожие на уснувших в воде чудовищ.

Все ближе, ближе... Наконец корабль подошел к узкому проливу между островами.

В тот же миг послышались грубые гортанные голоса, вспыхнули косматые факелы. С обеих сторон в борта корабля впились острые крючья, прикрепленные к крепким шестам.

Торжествующие звериные вопли огласили округу. Корабль застыл на месте, словно прикованный.

– Рубите шесты! Крючья в воду! – крикнул Флор.

Послышался лязг и звон металла.

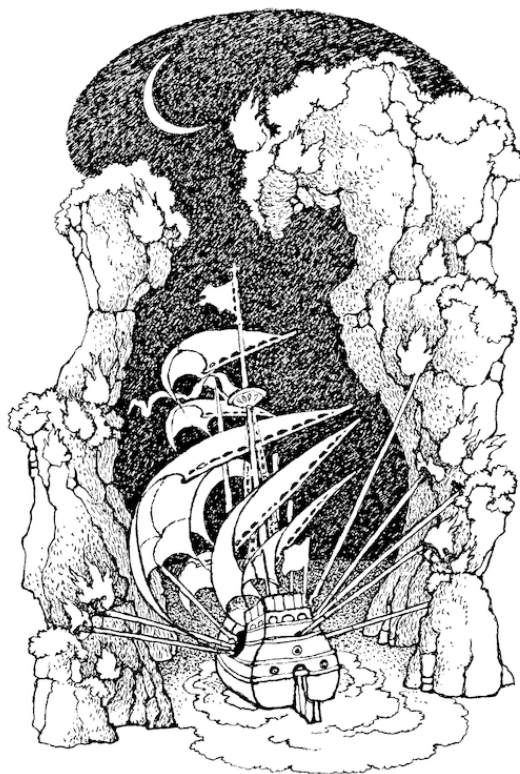
Держа в руке острый топор, Флор перебежал от одного борта к другому. Топоры старого оружейника шутя перерубали толстые жерди, без труда справлялись с крючьями. С плеском падали в воду железные обломки.

Крики ярости и проклятия раздались с обоих берегов. Кто-то из разбойников с отчаянным воплем упал в воду.

Освобожденный корабль, освещенный серебряными потоками лунного света, плавно удалялся от зловещих островов.

Однако до Вавилона было еще далеко. Возле берегов Крита настиг путников могучий шторм. Волны перекатывались через палубу. Но опытный кормчий уверенно вел корабль.

Наконец показался берег, заросший пышными деревьями. Они вошли в порт Мерсин.

Богатый горожанин, почтенный торговец коврами, дал путникам приют. Довольный щедрями дарами, он пригласил их к вечерней трапезе. Слуги вносили все новые и новые блюда с яствами. Звенели кубки, веселье царило за столом.

Один Флор не ел и не пил, отвечал невпопад. Его душа вела нескончаемый разговор с любимой.

– Мой милый гость, – обратился к нему хозяин, почтенный Ягмар, – вижу, вас гнетет какая-то печаль. Второй раз в жизни встречаю в молодых глазах такую тоску и уныние. В первый раз это была пленная девушка несравненной прелести, с волосами цвета меда и золота. Такая красота оставляет за собой след, как свет падающей звезды...

– Это Бланшефлор! Моя невеста! – вскакивая, воскликнул Флор. – Аллах всемогущий! Что вы еще знаете о ней?

– Купец, ее хозяин, держал путь в Вавилон. Это все, что я знаю... – вздохнул Ягмар. – Там он надеялся продать ее с большой выгодой. Она того стоит.

Флор, с трудом дождавшись утра, приказал выйти в море.

Прошло еще десять дней, и корабль вошел в широкую гавань, где бросили якоря с десятков купеческих судов.

Бережно свели по сходням лошадей, вынесли тяжелую поклажу, тюки с коврами, драгоценную утварь. Последним свели на берег, держа под уздцы, прекрасного коня, у которого один бок был алый как кровь, другой – белее снега.

Теперь странникам предстоял нелегкий путь от моря до великого города Вавилона. Они шли по пустыням, где ветер со свистом нес раскаленный песок, пробирались между неприступными скалами.

Наконец путники вышли к реке, широкой и полноводной. Через нее был перекинут каменный мост.

На другом берегу, вдалеке, призрачно сияли в утреннем тумане черепитчатые и позолоченные крыши великолепного города. В центре возвышался дворец, окруженный крепкой стеной со множеством тяжелых ворот.

Путники подошли к крутому берегу и увидели, что под высоким деревом в кресле, искусно вырезанном из искристого мрамора, сидел старик в богатых одеждах с тяжелой золотой цепью на груди. Позади него неподвижно стояли вооруженные слуги.

Величественный старец сурово взглянул на Флора из-под седых бровей.

Но хотя одежда Флора и была пропыленной и изношенной, как одежда бедняка, манеры юноши выдавали его знатное происхождение. Он подошел к старику с низким поклоном и приветствовал его со всем изяществом и уважением.

– Я прошел далекий путь. Важные дела привели меня в великий город Вавилон. Хотелось бы мне найти здесь приют для себя и моих спутников.

С этими словами Флор протянул старцу бесценный древний кубок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.